

Книга памяти жертв политических репрессий: Калининградская область / Калинингр. регион. общ. орг. защиты прав жертв политических репрессий; сост. Е. И. Смирнова, В. Н. Маслов; под ред. В. Ю. Курпакова, Е. И. Смирновой. — Калининград: Terra Балтика, 2007. — 496 с.

Послевоенные репрессии в Калининградской области не обернулись той катастрофой, которая окрашивает в мрачные тона целую эпоху нашей национальной истории. Книга памяти открывается двумя списками. В них — сведения о жертвах репрессий в регионе в 1945—1983 гг., а также о проживающих в Калининградской области согражданах, репрессированных в других регионах СССР (ок. 3000 чел.). Под каток репрессивной машины попали не только русские переселенцы и «немецкие подданные», а целый интернационал: евреи, литовцы, поляки, эстонцы.

Скупые строчки мартиролога сменяются бесстрастным историческим очерком; его дополняет архивный материал судебных отчетов; мы будто слышим за бесстрастным шелестом страниц уголовных дел голос хладнокровных обвинителей. Затем — слово самим жертвам репрессий: через воспоминания родственников, интервью, фрагменты писем. Много фотокопий документов и фотографий — у нас есть шанс всмотреться в лица репрессированных, заочно стать своеобразными свидетелями защиты невиновных людей.

Усилиями составителей нарисован противоречивый портрет противоречивой эпохи. Не все были осуждены: в немногих документах повествуется о тех, кого оправдал за отсутствием состава преступления даже сталинский суд. Поводы для репрессий разнообразны: «контрреволюционная клевета на советское правительство» (с. 364), сожительство с «изменником Родины» (с. 367), «явно вредительские указания по посеву зерновых культур» (с. 369), систематическое прослушивание иностранных радиопередач (с. 377)... На заре истории области «антисоветской пропагандой» занимались и переселенцы, и живущие бок о бок с ними немцы. *Большой брат* бдительно следил за всеми: одни обсуждали жизнь в колхозах и за границей, другие писали антисоветские стихи, третьи пели песни.

По каким причинам люди вступали на путь открытого или скрытого сопротивления сталинскому режиму? Далеко не все из них придерживались последовательно критического отношения к властям; некоторые удивительно наивны: «Подсудимый Малинаускас не отрицает фактов антисоветских высказываний, но заявляет, что он хотел, чтобы ему разъяснили, в чем [он] ошибается и почему» (с. 372). Это желание обошлось ему в десять лет лишения свободы. Наивность опасна, особенно в такое бурное время. Цитируются резолюции собраний и «письма трудящихся»: врачей-вредителей посадить в клетки, «возить по городам и колхозам и показывать бандитов-ученых всем советским людям как зверей в образе человека» (с. 334).

Научное и нравственное значение Книги памяти для современной историографии трудно переоценить. Достоинство издания состоит не только в том, что оно впервые публикует колоссальный объем факти-

ческих данных. Эта книга заставляет задуматься о некоторых важнейших вопросах нашего исторического и правового сознания, становится поводом для серьезного разговора.

Само определение «жертв репрессий» проблематично. Из документов и исторического очерка (о 1946–1953 гг.) можно понять, что именно эти первые послевоенные годы находятся в фокусе внимания составителей. Главным образом основанием для репрессий была печально известная 58-я статья УК. Но в списке их жертв читатель встречает и некоторых немецких военнослужащих вермахта, арестованных еще летом 1945 г. (с. 14), и советских граждан, репрессированных после смерти Сталина — в 1970, 1983 г. (с. 9, 49). Тут и возникает вопрос: кого правомерно включать в этот скорбный список? Место ли в нем сотрудничавшему с нацистами на оккупированной территории старосте или самому нацисту, борющемуся против советских войск? Можно пойти двумя путями: или привести данные обо всех осужденных, или ограничить круг невинно пострадавшими людьми. Первое потребовало бы более тщательной работы, второе — дерзости совершить как бы второй суд над людьми. Однако в публикуемом списке соседствуют самые разные лица: перешедший границу из Польши украинец (с. 10) и расстрелянный в феврале 1945 г. военнослужащий вермахта (с. 52)... В очерке Л. В. Балабан подчеркивается, что многие из осужденных по 58-й статье «были наказаны не за вымышленные преступления, а за реальное сотрудничество с нацистами» (с. 330). Среди них — Г. Драер и М. Хойман (документ на с. 338–339). Первый — член НСДАП, активный участник борьбы с партизанами на оккупированных территориях, второй — организатор эксплуатации рабочих и военнопленных на вагоностроительном заводе в Кёнигсберге. Данные об их реабилитации отсутствуют. В списке жертв репрессий читатель найдет только Драера. Строились ли приговоры на доказательствах реальной вины? Оправданно ли включать этих лиц в Книгу памяти? Можно ли упоминать одних и исключать других?

В других российских регионах тоже нередко сталкиваются с похожими проблемами: как быть с сотрудником НКВД, лично ответственным за незаконные репрессии сограждан, но позднее репрессированным по 58-й статье и наконец реабилитированным? В Красноярске сведения о таком сотруднике сознательно не стали включать в Книгу памяти, но не было ли это нарушением принципа издания? По закону «О реабилитации жертв политических репрессий» к жертвам относятся лица, подвергнутые различным мерам принуждения со стороны государства по политическим мотивам либо ограниченные в правах по тем же основаниям, а также их дети (ст. 1, 2). Этот законодательно закрепленный критерий не оставляет возможности исследователю произвольно ограничивать круг жертв.

Очерк истории репрессий в Калининградской области доведен только до 1953 г., и это не совсем правильно. Репрессии, пусть не в таких масштабах, продолжались вплоть до начала перестройки в СССР. Однако Л. В. Балабан не проследживает эволюцию репрессивного механизма, а Е. А. Маслов в единственном материале, выводящем нас за рамки сталинского периода, характеризует лишь преследование верующих, которые

признаются «одним из главных объектов репрессий» (с. 387) при вопиющей нехватке документальных свидетельств и статистических данных. Конечно, характеристика периода 1953–1985 гг. потребовала бы дополнительных трудов, а также, надо полагать, была бы небезболезненной для некоторых ныне здравствующих лиц, причастных к политическим репрессиям. Однако без такого исследования картина «произвола тоталитарного государства» (формулировка федерального закона) остается неполной и, следовательно, далекой от объективности.

Но работа только началась. Будущим исследователям еще предстоит дополнить Книгу памяти. Здесь найдется место советским военнослужащим, репрессированным в ходе Восточно-Прусской операции (в том числе за пределами территории будущей Калининградской области, как это случилось с А.И. Солженицыным и Л.З. Копелевым) или осужденным за пределами региона, но отбывавшим в нем наказание (правозащитник генерал П.Г. Григоренко, помещенный в психиатрическую лечебницу в Черняховске по приговору ташкентского суда).

К сведениям о людях, пострадавших от репрессий, предъявляются два требования: полнота и точность. Однако между текстом книги и списками нет полного соответствия. Ряд репрессированных граждан, упомянутых в документах, не находится в списке жертв (Николаев — с. 328; Коркина — с. 330; Козловски — с. 337; Гельда Линк — с. 338; Пошибаев — с. 344; Зозат — с. 345; Аликин — с. 347; Цехмистрова — с. 361 и др.; хотя в ряде случаев информация в списке предельно лаконична: «ЛЮРКЕ Зигфрид. Реабилитирован 15.02.2000 г.» — с. 47). Есть расхождения в написании фамилий в опубликованных документах и в списке жертв (Лидтке и Литке — с. 45 и 336; Хаазе и Хеозе — с. 71, 338 и 364; Кервель и Кершель — с. 37 и 338; Элерт и Элер — с. 80 и 340; Корбанка, Карбанка и Корбанка — с. 41, 338 и 358 и др.).

Научный и в то же время нравственный вопрос возникает при публикации сведений о людях. Открыто приводятся фамилии жертв репрессий — как осужденных, так и оправданных граждан. Фамилии сотрудников органов внутренних дел зашифрованы начальными буквами (на с. 354 цитируется документ об оскорблявшем задержанного подполковнике Г.; публикаторами защищаются и другие рядовые сотрудники органов внутренних дел или свидетели обвинения). Однако фамилии руководителей прокуратуры и судей, подписывавших справки и доклады, приводятся полностью. В другом месте инициалами зашифрованы, напротив, фамилии коммунистов и комсомольцев, наказанных по политическим мотивам (исключенных из партии, снятых с должности). Составители ссылаются на требование ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» 1995 г. сохранять конфиденциальность персональных данных граждан (с. 399); но он утратил силу еще в 2006 г. — взамен действуют законы «Об информации, информационных технологиях и защите информации» и «О персональных данных» (2006). Между прочим, в ст. 6 последнего закона определяются условия обработки персональных данных, не требующих согласия их субъектов: «в целях профессиональной деятельности журналиста либо в целях научной, литературной или иной творческой деятельности при условии, что при этом не нарушаются права и свобо-

ды субъекта персональных данных» (п. 6). Этот пункт закона предоставляет исследователю довольно широкие полномочия по поводу установления факта нарушения прав лиц, данные о которых предаются публичности. Нарушает ли права и законные интересы человека или его наследников публикация его фамилии из официального и общедоступного документа? Правомерно ли в пределах одного издательского проекта указывать персональные данные одних лиц без их согласия и защищать данные других? Где проходят границы конфиденциальности? Распространяется ли норма на руководителей партии и государства разного уровня? Эта проблема не имеет простого решения, она решается исследователями индивидуально. Обвинение историка, составившего аналогичную базу данных в Архангельске, подчеркивает важность этой правовой коллизии, открывает новую страницу в дискуссии о палачах и жертвах. В идеале, наверное, необходимо придерживаться единого подхода к публикации данных о людях.

Эта книга служит жутким приговором самой сталинской репрессивной системе. Государство победивших рабочих и крестьян продолжает после Отечественной войны борьбу с врагом. Кто этот враг? Это представители далеко не эксплуататорских классов: рабочие, колхозники, уборщицы, вагоновожатые, кондитеры — вот профессиональный состав людей, которые внезапно оказались в руках следователей. Можно вынести важный урок: сопротивление — это не всегда вооруженное восстание. Иногда это несвоевременно сказанное слово, некстати услышанная радиопередача, милосердное отношение к несправедливо обвиненному.

Исследователям предстоит еще уточнение деталей и сбор новых данных о жертвах политических репрессий. И, наверное, придет время, когда удастся опубликовать все фамилии жертв и членов их семей, палачей и их соучастников. Авторы книги говорят о том, что «нужен памятный знак или камень, символизирующий общую могилу...» (с. 405). Конечно, нужен знак. Но *места памяти* — это совсем не обязательно точки на карте. Рецензируемая книга уже стала таким местом, и благодаря самоотверженной работе коллектива ее составителей и редакторов есть все основания надеяться, что память эта не будет утрачена.

В заключение нельзя не отметить профессиональную работу калининградского издательства «Терра Балтика», которое обеспечило достойное оформление и качественную печать «Книги памяти».

И. О. Дементьев,
канд. ист. наук, доц. кафедры зарубежной истории
и международных отношений РГУ им. И. Канта